РОДИНА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЕЙНАГО ЧТЕНІЯ

№ 23. 5-го Іюня 1905 г. XXVII-й годъ изданія

Редакція, главная контора и отдѣленіе:
С.-ПЕТЕРБУРГЪ. 1) Лиговская, соб. д., № 114. 2) Садовая ул., домъ № 20.

ИЗДАНІЕ А. А. КАСПАРИ.

Отдѣленіе главной конторы „РОДИНА“:
МОСКВА: Петровскія линіи, противъ гостиницы „Россія“, магазинъ № 12.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДЪ: Безъ доставки въ С.-Петербургѣ 5 р. | Съ доставкой въ С.-Петербургѣ 5 р. 50 к | Безъ достав. въ Москвѣ 5 р. 25 к. | Съ пересылкой по всей Россіи 6 р. | За границу 10 р.

Съ пересылкой по всей Россіи за 6 мѣсяцевъ 3 р., за 3 мѣсяца 1 р. 50 к., на 1 мѣсяцъ (безъ приложен.) 50 к.

Разсрочка допускается: при подпискѣ 2 р., 1-го марта—1 р., 1-го іюня—1 р., 1-го августа—1 р. и 1-го сентября—1 р.

ЛЮБЪ-ТРАВА.

Историко-бытовой романъ
графа Е. А. Саліаса.
(Продолженіе.)

ЛИСАФА сѣла, но не могла придумать, о чемъ говорить. Она была далеко не въ такомъ состояніи, чтобы болтовня пошла на умъ. Любимецъ-сынъ въ послѣдніе дни тревожилъ ее въ высшей степени. Если народъ говоритъ: „кошки на сердцѣ скребутъ“, то это выраженіе теперь какъ нельзя болѣе подходило къ Башкировой. Помимо тоски, томленія, она будто дѣйствительно чувствовала какую-то боль въ груди.

— Ей-Богу, не знаю, матушка, о чемъ и толковать, что разсказывать? ничего веселаго на умъ нейдетъ. Очень меня раздумье беретъ насчетъ всѣхъ этихъ особыхъ дѣлъ.

— Какихъ дѣлъ? — спросила княгиня.

— А вы еще спрашиваете! Да вотъ это самое колдовство Анны Тихоновны. Хорошо, коли все обойдется благополучно, хорошо, коли всему конецъ, что она сама пришла да вамъ въ ноги бултыхнулась. А что коли нѣтъ, что тогда?

— Полно ты! только накличешь, — сурово отозвалась княгиня и сразу стала не въ духѣ. — Коли такъ, иди ужъ лучше спать.

Лисафа убрала кое-какія вещи барыни, затѣмъ поправила лампадку у образовъ и вышла изъ спальни. Княгиня повернулась лицомъ къ стѣнѣ и черезъ нѣсколько мгновеній уже спала крѣпкимъ сномъ и начала, какъ всегда, сильно храпѣть съ шипѣніемъ и присвистомъ:

Лисафа, идя къ себѣ домой, бормотала себѣ подъ носъ:

— Должно, часика черезъ два колдовство подѣйствуетъ, стало быть, нечего мнѣ и располагаться въ постель. Прибѣгутъ звать, лучше уже одѣтой быть.

Въ Троицу.

Лѣто, лѣто! Вкругъ взгляни,
Полонъ міръ къ тебѣ привѣта:
Льются съ неба волны свѣта...
Наслажденье быть въ тѣни
Въ эти солнечные дни,
Въ дни царя-красавца лѣта...
Поле укрылось
Въ зелень ковромъ,
Лѣто явилось —
Радость кругомъ!
Листъ встрепенулся,
Манитъ всѣхъ въ тѣнь,
Міръ весь проснулся —
Троицынъ день!
Какъ въ новоселье,
Вдругъ зацвѣло
Всюду веселье —
Лѣто пришло!
Знойно, душно! Слышенъ громъ —
Быть грозѣ! Земля вся рада...
Пролетитъ гроза — отрада
Землю нашу ждетъ потомъ.
Потемнѣло все кругомъ,
Зноя нѣтъ, царитъ прохлада!

Н. Кононовъ.

„АНЮТИНЫ ГЛАЗКИ“. Оригин. рисун. Е. Степанова.

XLIII.

Около полуночи поднялся шумъ въ домѣ и замелькали огоньки. Нѣсколько полуодѣтыхъ, разбуженныхъ страшной вѣстью горничныхъ сновали и тыкались изъ угла въ уголъ, наскакивали другъ на дружку, всѣ повторяли имя Лисафы Давыдовны и спросонья никто за ней не шелъ.

Оказалось, что княгиня опять захворала.

Когда позванная Лисафа Давыдовна вбѣжала въ спальню княгини, искусно изображая изумленіе и отчаяніе, Ягузинская заговорила почти умирающимъ голосомъ:

— Поскорѣй... опять... поскорѣй доктора!

— Вотъ говорила я! — воскликнула Лисафа, — а вы еще мирволите, не хотите сами себя спасти. Ну, да не бойтесь, все опять живо пройдетъ, къ утру ничего не будетъ. Вотъ вамъ, какъ предъ Богомъ, божусь, чуетъ мое сердце, что ничего не будетъ. А только завтра утромъ, не мѣшкая, надо дать знать въ полицію объ этой треклятой Тихоновнѣ.

Лисафа тотчасъ-же распорядилась послать верхового къ доктору Зонсту, вернулась въ спальню и, прислушиваясь къ оханьямъ и стонамъ княгини, думала:

„И что блажитъ, прямо блажитъ, самую малость положила... боялась, что совсѣмъ ничего не будетъ, а она оретъ, будто помираетъ!“

Разумѣется, весь домъ опять среди ночи поднялся на ноги и опять была смута. На этотъ разъ смущеніе дворовыхъ было еще сильнѣе, такъ какъ случилось совершенно нежиданное обстоятельство: верховой прискакалъ на дворъ съ отвѣтомъ, что господинъ „дохтуръ“ самъ боленъ и пріѣхать не можетъ, и проситъ княгиню обратиться къ кому-либо другому, а лучше всего къ господину Клюге.

Въ дѣйствительности Зонстъ былъ здоровехонекъ, но, узнавъ, что, несмотря на его угрозы, дерзкая женщина-приживальщица осмѣлилась опять опоить княгиню, осторожный нѣмецъ рѣшилъ лучше въ это дѣло не путаться.

„Нѣтъ, съ эдакой бабой лучше не путаться, какъ разъ въ бѣду влетишь, — подумалъ онъ. — Пусть лучше мой коллега будетъ путаться, если не приметъ во вниманіе моего предостереженія“.

Лисафа, узнавъ объ отказѣ Зонста пріѣхать, тотчасъ догадалась, что нѣмецъ, навѣрно, здоровъ, а не хочетъ ѣхать.

„То-то, голубчикъ!— подумала она, — пужать меня пужалъ, а самъ первый теперь хвостъ поджалъ“.

И, не докладывая ничего княгинѣ, Лисафа приказала верховому скакать къ Ѳедору Ѳедоровичу Клюге, который жилъ еще ближе Зонста.

Разбужснный среди ночи и узнавшій отъ посланнаго, что его вызываютъ вслѣдствіе болѣзни коллеги Зонста, докторъ не зналъ, что дѣлать. Но затѣмъ и ему пришло на умъ: „не притворяется-ли Зонстъ?“, т. е., не хочетъ ѣхать къ княгинѣ. Что тогда дѣлать? Притвориться тоже больнымъ странно. Отказаться рѣзко, просто объявивъ, что не поѣдетъ, нелѣпо, невыгодно. Почемъ знать? можетъ быть, онъ можетъ сдѣлаться домашнимъ врачемъ князя Ягузинскаго вмѣсто Зонста, а такая должность была выгодная.

Клюге поволновался нѣсколько минутъ и затѣмъ заявилъ посланному, что тотчасъ-же будетъ. И, дѣйствительно, менѣе чѣмъ черезъ полчаса онъ входилъ уже въ спальню больной.

Княгиня лежала спокойно, но при появленіи доктора начала сильно стонать. Лисафа Давыдовна, встрѣтивъ доктора, успѣла, однако, предупредить его, что, по ея мнѣнію, у княгини приступъ болѣзни много слабѣе и легче, чѣмъ когда-либо прежде.

— Княгинюшка моя, — сказала она, — больше отъ страха кричитъ, чѣмъ отъ боли. Я ужъ знаю, привыкла къ ней. Да вотъ сами увидите.

Клюге, который зналъ отъ своего коллеги подробно болѣзнь княгини и причины этой болѣзни, рѣшилъ прежде всего удостовѣриться, что именно у больной: то-же, что бывало, или какая-нибудь новая болѣзнь. Опросивъ и освидѣтельствовавъ больную, Клюге тотчасъ-же увидѣлъ, что дѣло пустяшное и въ то-же время повтореніе тѣхъ-же явленій. Онъ косо взглянулъ на Елизавету Давыдовну и ухмыльнулся. Женщина дерзко поглядѣла въ лицо Клюге и спросила:

— Что, батюшка, по-вашему, правду я говорю, что совсѣмъ легонькое хвораніе?

— Да, точно, легонькое, а только что все-таки не нужное, не слѣдъ-бы княгинѣ такъ хворать, — рѣзко, но отчасти и насмѣшливо проговорилъ Клюге.

— Что-же, что? — заохала княгиня.

— Ничего, ваше сіятельство, пустяки! Часа черезъ два-три будете совсѣмъ здоровы. Я останусь у васъ въ гостиной на всю ночь, буду васъ навѣщать, сколько пожелаете, хоть по десяти разъ въ часъ.

На вопросъ доктора, цѣлы-ли лекарства, которыя давали княгинѣ прежде, оказалось, что все цѣло и стоитъ въ шкафчикѣ въ спальнѣ.

— Вотъ и хорошее дѣло, сейчасъ и лечить начнемъ.

Похлопотавъ около захворавшей съ полчаса, Клюге ушелъ въ сосѣднюю маленькую гостиную княгини, сѣлъ въ большое покойное кресло и вскорѣ задремалъ.

Уставши за день изъ-за двухъ серьезныхъ паціентовъ, съ которыми онъ возился, докторъ заснулъ глубочайшимъ сномъ. Когда онъ пришелъ въ себя отъ ломоты въ шеѣ и спинѣ и открылъ глаза, то изумился: на дворѣ было свѣтло, блѣдный свѣтъ зари проникалъ черезъ большое окно княжескаго дома. Себя-же онъ нашелъ въ сидячемъ положеніи въ большомъ креслѣ и не сразу сообразилъ, что случилось. Однако, черезъ мгновеніе онъ понялъ, что если его ни разу не разбудили и не подняли, то, стало быть, княгинѣ совсѣмъ хорошо.

Осторожно подойдя къ полуоткрытой двери спальни и заглянувъ въ нее, Клюге услышалъ храпъ княгини, а въ другомъ углу въ креслѣ увидѣлъ спящую любимицу. Она спала такимъ-же крѣпкимъ сномъ, какимъ спалъ онъ.

Однако, нѣмецъ не уѣхалъ, снова вернулся въ свое кресло и заснулъ. Около девяти часовъ утра онъ былъ разбуженъ. Лисафа стояла предъ нимъ и, довольная, почти веселая, заявила, что княгиня ни разу ея не звала, даже и не просыпалась, а почивала совершенно спокойно — стало быть, все прошло.

Клюге тотчасъ-же собрался и уѣхалъ домой, а Лисафа бодрымъ шагомъ, съ веселымъ лицомъ, прошла въ нижній этажъ, позвала старика-лакея, одного изъ самыхъ умныхъ, и объяснила ему:

— Собирайся, Петръ Ильичъ, живо, важное тебѣ порученіе, самое важное, какое когда-либо случалось тебѣ исполнять. Барыня приказала тебѣ идти въ оберъ-полиціймейстерскую канцелярію и отъ ея имени объяснить, какое дѣло у насъ произошло и что она проситъ виновную, которая сама-же и созналась, Анну Тихоновну, придти, взять къ себѣ на допросъ. Понялъ-ли ты хорошо?

— Понялъ, Лисафа Давыдовна, — отвѣтилъ ста-

рикъ и пошелъ было къ себѣ собираться, но пріостановился и спросилъ: — княгиня приказала?

— Понятное дѣло! Что ты, спятилъ, что-ли? Толкомъ тебѣ говорятъ. Княгиня сейчасъ приказала.

Въ самоувѣренной женщинѣ было, однако, что-то странное — въ лицѣ и въ голосѣ. По оттѣнку ея голоса старику почудилось почти невѣроятное, почудилось, что Лисафа Давыдовна лжетъ, что княгиня такого приказа не давала. Онъ постоялъ мгновеніе на мѣстѣ, какъ-то посеменилъ ногами, но затѣмъ произнесъ:

— Коли княгиня приказала, то что-же толковать, сейчасъ пойду.

Лисафа отправилась прямо къ себѣ, но дорогой думала:

„Что-же это такое? Должно быть, когда эдакъ-то врешь, такъ и видъ у тебя другой. Какъ старый хрычъ могъ догадаться, что я сама все сочинила? Сколько разъ въ жизни приходилось мнѣ приказывать и ему, и другимъ отъ имени княгини, и никогда никто не заподозривалъ, а вотъ сейчасъ этотъ старый что-то смекнулъ. — И черезъ мгновеніе Лисафа думала: — надо это знать, надо себя пріучить такъ лгать, чтобы и вида никакого не было. Ну, да ничего! Все слава Богу, теперь назадъ не попятишь дѣла“.

XLIV.

Между тѣмъ, у Зонста была своя забота, и такая, что ему было не до паціентовъ, такая, какой еще не приключалось въ жизни. Онъ ничего не могъ подѣлать или придумать, чтобы Файка примирилась со своей участью. Сколько разъ случалось нѣмцу или укротить какую-либо смѣлую и рѣшительную пріятельницу, или взять лаской. Теперь ничто не дѣйствовало. Файка или плакала, или бранилась, или сидѣла по цѣлымъ днямъ молча, иногда даже отказываясь отъ пищи, и повторяла Зонсту лишь одно и то-же, что она не уживется у него и предпочтетъ лучше убѣжать или попасть въ тюрьму, но ни за что не останется.

Миляй ухитрился бывать въ домѣ доктора, чтобы видѣть Файку. Онъ перелѣзалъ черезъ заборъ и взбирался на чердакъ; Файка приходила на свиданье съ вѣдома Лукерьи, которую обдаривала, но такъ какъ подачки Лукерьѣ становились все крупнѣе, женщина становилась требовательнѣе, то и Миляй, и Файка предвидѣли, что скоро уже у нихъ не хватитъ и денегъ на подкупъ. Вообще и ему самому, и дѣвушкѣ положеніе начинало казаться безвыходнымъ.

Однажды Миляй нашелъ Файку на чердакѣ ожидающей его. Дѣвушка была печальнѣе, чѣмъ когда-либо. Поздоровавшись съ Миляемъ, она прямо заявила, что больше выносить свое житье не можетъ и что надо что-нибудь рѣшать, не отлагая.

— Давай бѣжимъ, — сказала она: — я отсюда, ты отъ себя, сойдемся за заставой и пойдемъ, куда глаза глядятъ!

Миляй сталъ снова уговаривать дѣвушку, что безсмысленнѣе ничего придумать нельзя, такъ какъ если ихъ поймаютъ, то они очутятся въ тюрьмѣ и будутъ разлучены.

— Лучше терпѣть, чѣмъ никогда не видаться.

— Ну, тогда есть другое, — сказала Файка.— Коли ты меня воистину любишь, то на это и пойдешь.

— Что-же такое?

— Умертви этого нѣмца.

— Что ты, съума сошла? — воскликнулъ Миляй.

— Можетъ, и сошла, да только другого никакого средства нѣтъ. Долженъ ты его умертвить, я тебѣ помогу. А какой отъ этого толкъ будетъ, я тебѣ скажу. У него есть сундукъ подъ кроватью и, навѣрное, тамъ деньги; сколько—не знаю, а знаю, что это—деньги. Лукерья мнѣ это сказала, и сказала, что денегъ куча. И вотъ коли мы его похерпмъ, то деньги эти заберемъ, а на нихъ потомъ откупимся и будемъ вольны и счастливы. Ну, вотъ ты и подумай. А дамъ я тебѣ срока не больше недѣли, такъ какъ терпѣть больше не могу.

Миляй, хотя человѣкъ чрезвычайно легкомысленный, собиравшійся когда-то топить Узинскаго въ Москвѣ-рѣкѣ, былъ, собственно, добрый малый. Онъ былъ пораженъ предложеніемъ Файки.

Разумѣется, онъ рѣшилъ прежде всего признаться во всемъ пріятелю и просить его совѣта.

„Что скажетъ Абрамъ?—думалъ онъ.—Абрамъ—умница и рѣшительный; какъ онъ посовѣтуетъ, такъ я и поступлю“.

Когда Миляй заговорилъ съ пріятелемъ, то ожидалъ, что Абрамъ придетъ тоже въ ужасъ и будетъ его отговаривать, а, между тѣмъ, этотъ, выслушавъ все, разсмѣялся и выговорилъ:

— Не зналъ я, что Файка такая. Молодецъ дѣвченка! Вѣдь, какое умное придумала. И себя избавитъ отъ нѣмца, и разбогатѣетъ, отъ подставного барина на волю выйдетъ и тебя на волю у князя выкупитъ. Лучше этого, годъ продумай, ничего не выдумаешь.

— А смертоубивство? — возразилъ Миляй.

— Что-же?

— Какъ что? Убивство человѣка на себя брать, на совѣсти что будетъ потомъ, это—не то, что столкнуть въ воду изъ лодки.

— Коли не дуракъ, такъ ничего не будетъ. Говорятъ, не надо думать.

— Какъ не надо думать? — не понялъ Миляй.

— Да такъ. Сказываютъ, коли убилъ или укралъ, или что-либо такое сдѣлалъ, то, чтобы совѣсть не мучила, не надо думать объ этомъ, забыть. Вотъ и не будетъ ничего.

(Продолженіе будетъ).

Воспоминанія.

Я помню ночь... въ аллеѣ парка
Сидѣли мы съ тобой вдвоемъ...
Луна свѣтила въ небѣ ярко
Своимъ таинственнымъ огнемъ...
Вдали скользили тѣни ночи...
Соловка пѣсню пѣлъ свою...
Тебѣ глядѣлъ я страстно въ очи,
Шепча:—«Люблю... люблю»...

Я помню ночь... стояла осень...
Уныло вѣтеръ завывалъ...
Шумѣли глухо вѣтви сосенъ,
Какъ въ бурномъ морѣ грозный валъ...
Для насъ ударилъ часъ разлуки:
Я покидалъ родимый край...
Тебѣ сжималъ я крѣпко руки,
Шепча:—«Прощай... прощай»...

М. Циммерманъ.

ВЪ НАЧАЛѢ ЛѢТА ПРЕДЪ ВЕЧЕРОМЪ.

Съ картины А. Н. Четвиндъ.

Два велосипеда.

Разсказъ М. Ѳ. Караулова.

НЕДАВНО я прочиталъ въ одной изъ большихъ столичныхъ газетъ объявленіе слѣдующаго содержанія:

«За ненадобностью продаются два велосипеда, дамскій и мужской, въ полной исправности».

Затѣмъ слѣдовалъ подробный адресъ и назначались часы для ихъ осмотра.

Многіе, конечно, или вовсе не прочли вышеприведенной публикаціи или не обратили на нее никакого вниманія, но на меня она произвела удручающее впечатлѣніе и именно вотъ по какому поводу.

I.

„То было раннею весной“...

Было ясное майское утро. Солнце весело сіяло съ яснаго, безоблачнаго неба, стараясь призвать къ жизни жалкую сѣверную растительность и заставить зазеленѣть старыя березы и пахучую черемуху, но всѣ его попытки до поры до времени оставались тщетными и только однѣ лишь угрюмыя сосны да ели были зелены и распространяли въ чистомъ весеннемъ воздухѣ смолистый ароматъ.

Я особенно люблю раннею весною покинуть шумный и страшно пріѣвшійся мнѣ въ теченіе зимы Петербургъ и идти пѣшкомъ куда-нибудь за городъ, хотя окрестности столицы не могутъ похвастаться своею живописностью.

Правда, что ближайшіе острова, какъ-то Каменный, Елагинъ и Крестовскій, привлекаютъ весною массу публики въ пышныхъ туалетахъ и роскошныхъ экипажахъ, но это-то самое обстоятельство и заставляетъ меня избѣгать появленія среди той-же самой сутолоки, которая такъ надоѣла мнѣ зимою на Большой Морской и Невскомъ проспектѣ между тремя и пятью часами дня.

Тѣ-же самыя лица, только дамскія шляпки—на мой взглядъ, подъ вліяніемъ вешняго солнца—принимаютъ еще болѣе безобразный видъ, а нѣкоторые мужчины позволяютъ себѣ надѣвать свѣтлыя пальто и ихъ цилиндры выглядятъ болѣе лоснящимися.

Даже лошадиныя морды кажутся знакомыми и, кланяясь направо и налѣво, рискуешь въ разсѣянности приподнять шляпу предъ какой-нибудь рыжей или караковой парой, съ подрѣзанными хвостами и запряженной въ англійскую шорную упряжь, которая начинаетъ все болѣе и болѣе входить у насъ въ моду.

Словомъ, я избѣгаю бывать на островахъ раннею весною и предпочитаю запущенную Старо-Парголовскую дорогу, до которой я доѣзжаю на паровой конкѣ.

Такъ и въ описываемый мною день я доѣхалъ до Лѣсного Корпуса и пошелъ по направленію къ Поклонной горѣ по только что упомянутой Старо-Парголовской дорогѣ.

Боковая дорожка была уже совершенно суха, на проѣзжей дорогѣ мѣстами было еще очень грязно, а въ сосновомъ лѣсу, что тянется вдоль другой стороны дороги, кое-гдѣ виднѣлись еще островки талаго снѣга, такъ какъ лучи солнца съ трудомъ пробивались черезъ вершины вѣковыхъ сосенъ.

Я смотрѣлъ по сторонамъ и мнѣ вспоминалось прошедшее время, когда я, молодой, полный надеждъ и силъ, бродилъ по этимъ-же мѣстамъ и на мою руку опиралась хорошенькая женская ручка, и темно-сѣрые глазки вопросительно смотрѣли на меня и лукаво улыбались.

Все это давно прошло, старость настойчиво стучится ко мнѣ въ двери, силы слабѣютъ, а на обломкахъ разбитыхъ надеждъ появились унылыя могилы! И та женщина, которая тогда такъ нѣжно заглядывала мнѣ въ глаза, теперь не существуетъ... т. е., она жива, но для меня она давно уже умерла и воспоминаніе о ней возбуждаетъ во мнѣ не то сожалѣніе, не то злобу.

Мои мечты были прерваны оглушительнымъ звонкомъ, раздавшимся сзади. Я поспѣшилъ прижаться къ забору и мимо меня быстро пролетѣла на велосипедѣ молоденькая хорошенькая блондинка въ нормандской шапочкѣ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ за нею несся ея кавалеръ, согнувшись въ три погибели, словно пѣхотный адъютантъ на лошади. (Это, какъ извѣстно, считается у любителей велосипеднаго спорта верхомъ граціи и изящества.) Велосипедистъ былъ одѣтъ въ обыкновенный человѣческій костюмъ, только на головѣ его красовалась такая-же шапочка, какъ и у его дамы.

Лицо молодого человѣка показалось мнѣ знакомымъ, и я старался припомнить, гдѣ это я его видѣлъ... Онъ печально оглянулся и первымъ узналъ меня:

— Михаилъ Ѳедоровичъ!

Молодой человѣкъ, надо отдать ему справедливость, ловко соскочилъ съ велосипеда и подошелъ ко мнѣ, ведя его «въ поводу».

Теперь и я узналъ его: это былъ сынъ моего хорошаго

знакомаго, Алексѣя Петровича Гурчина, годъ тому назадъ окончившій курсъ училища правовѣдѣнія. Звали его, въ честь дѣда, Петромъ и онъ числился при одномъ изъ департаментовъ министерства юстиціи.

Молодая дѣвушка, замѣтивъ, что кавалеръ ея остановился, тоже слѣзла съ велосипеда и, приставивъ его къ забору, стала ждать конца нашего разговора

— Здравствуйте, Петръ Алексѣевичъ, — сказалъ я: — что это вы, кажется, за барышнями ухаживать начинаете?

— Не правда-ли, какая она миленькая? Просто прелесть.

— Она такъ быстро пронеслась мимо меня, даже чуть было не задавила, такъ что я не успѣлъ разсмотрѣть черты ея лица, — покривилъ я душою, чтобы немного позлить молодого человѣка.

— Дойдемте до нея и я васъ съ нею познакомлю. Вѣдь, вы идете по тому-же направленію?

Я подтвердилъ его предположеніе, и мы направились къ молодой дѣвушкѣ.

— Елена Карловна фонъ Кенеръ, — отрекомендовалъ мнѣ ее Гурчинъ и затѣмъ добавилъ: — Михаилъ Ѳедоровичъ Ямчеевъ, пріятель моего отца.

— Очень пріятно, — сказала молодая дѣвушка и протянула мнѣ свою хорошенькую руку, безъ перчатки и съ небольшимъ бирюзовымъ колечкомъ на мизинцѣ.

Вблизи она мнѣ показалась гораздо лучше, чѣмъ ранѣе: у нея были большіе голубые глаза, удивленно смотрѣвшіе на того, кто обращался къ ней съ вопросомъ, и это придавало ей такое дѣтски-наивное выраженіе, что трудно было устоять отъ соблазна расцѣловать ея пухлыя щечки, на которыхъ игралъ здоровый румянецъ, столь рѣдкій у уроженокъ нашего холоднаго сѣвера.

Елена Карловна такъ-же, какъ Гурчинъ, всего только годъ тому назадъ вышла изъ института и не могла еще освоиться со свободою, хотя ее нельзя было назвать застѣнчивою.

— Мы съ нимъ одного выпуска, — сказала она, вскинувъ на Гурчина глазами и улыбаясь, и при этомъ показала рядъ ослѣпительно-бѣлыхъ зубовъ, которымъ могли-бы позавидовать многія петербуржанки.

— Вы, вѣроятно, не здѣшняя уроженка? — спросилъ я ее.

— Да, я родилась на югѣ, въ Харьковской губерніи. Тамъ отецъ мой командовалъ полкомъ.

Во все время нашего короткаго разговора я видѣлъ, какъ Гурчинъ пожиралъ ее глазами.

— Однако, не пора-ли намъ и въ путь-дорогу? — обратилась къ нему дѣвушка.

— Ѣдемте!

Она опять подала мнѣ свою миніатюрную ручку и легко вскочила на велосипедъ, еще разъ на прощанье кивнувъ мнѣ своею бѣлокурой головкой.

Вслѣдъ за нею вскочилъ на свой велосипедъ и Гурчинъ, успѣвъ шепнуть мнѣ:

— Не правда-ли, какъ она хороша?

Я утвердительно кивнулъ головою.

Вскорѣ они скрылись у меня изъ глазъ, а я дошелъ до Поклонной горы, посмотрѣлъ на давно знакомый мнѣ видъ и побрелъ обратно тою-же дорогой, одинокій, никому не нужный...

II.

„За весной, красой природы,
Лѣто знойное придетъ“...

Іюль мѣсяцъ давалъ-таки себя знать и, несмотря на мой легкій лѣтній костюмъ, я положительно задыхался отъ жары.

Я опять шелъ тою-же дорогой и по тому-же направленію, какъ два мѣсяца тому назадъ, и такъ-же мои мысли уносились въ далекое прошлое и я хоронилъ живыхъ покойниковъ.

— Михаилъ Ѳедоровичъ, Михаилъ Ѳедоровичъ! — раздался вдругъ чей-то голосъ.

Я оглянулся. На небольшой полянкѣ, подъ тѣнью вѣковыхъ сосенъ, собралось цѣлое общество велосипедистовъ, облюбовавшихъ это мѣсто для пикника.

Изъ сосѣдней дачи, очевидно, занятой кѣмъ-нибудь изъ ихъ общихъ знакомыхъ, были вынесены столъ и нѣсколько стульевъ, на столѣ стояли никкелированный самоваръ и все необходимое для чаепитія; мужчины-же, вѣроятно, не пожелали удовлетвориться одною китайскою травкою, и потому на столѣ красовались также двѣ бутылки. Кромѣ того, на травѣ, въ сторонкѣ, стояла корзина съ пивомъ и меньшая—съ виномъ.

Все это, конечно, было доставлено съ дачи.

Нѣкоторые велосипеды были прислонены къ деревьямъ, другіе просто лежали на травѣ.

Всего было тамъ десять человѣкъ, но двое изъ нихъ ни по возрасту, ни по тучности никоимъ образомъ не могли разъѣзжать на стальномъ конѣ. По всѣмъ вѣроятіямъ, они-то и были хозяевами той дачи.

Дѣйствительно, моя догадка оправдалась: это были старики фонъ Кенеръ, мужъ и жена, родители хорошенькой Елены Карловны, встрѣтившей меня, какъ стараго знакомаго.

НА ЛОНѢ ПРИРОДЫ.

Съ картины Ф. Б. Кеммереръ.

Я познакомился со всѣмъ обществомъ и подсѣлъ къ супругамъ фонъ Кенеръ, которые болѣе другихъ подходили мнѣ по возрасту; къ тому-же они были здѣсь въ нѣкоторомъ родѣ и хозяевами.

Въ общемъ здѣсь было очень хорошо: запахъ хвои мѣшался съ ароматомъ только что скошеннаго сѣна, а звонкіе и веселые голоса молодежи невольно заставляли меня забыть свои собственные невзгоды и недуги.

— А вы знаете, — вдругъ обратилась ко мнѣ Елена Карловна, указывая на Гурчина: — вѣдь, мы — женихъ и невѣста.

Я вопросительно взглянулъ на стариковъ, и они наклоненіемъ головы подтвердили мнѣ справедливость словъ ихъ дочери.

Въ такомъ случаѣ мнѣ оставалось только поздравить жениха и невѣсту и пожелать имъ всякаго счастья.

Всякій дѣлалъ, что хотѣлъ, — пили, говорили о политикѣ, спорили и перебирали свѣтскія новости, разсказывали анекдоты... Я хорошо видѣлъ, что пикникъ грозитъ затянуться до ночи, почему и сталъ прощаться.

Меня не особенно удерживали, такъ какъ старики тоже собрались къ себѣ на дачу, а молодежь во мнѣ совершенно не нуждалась и даже скорѣе я могъ быть помѣхою ихъ веселью. Развѣ пускаютъ старую клячу въ табунъ молодыхъ лошадей?

Прощаясь, я, тѣмъ не менѣе, обѣщалъ Петру Алексѣевичу и его невѣстѣ быть у нихъ на свадьбѣ, которая должна была состояться осенью.

На этомъ мы и разстались.

III.

„Осень. Осыпается весь нашъ бѣдный садъ,
Листья пожелтѣлые по вѣтру летятъ“...

Мнѣ не удалось присутствовать на свадьбѣ Гурчина съ Еленой Карловной фонъ Кенеръ, такъ какъ мнѣ необходимо было какъ разъ въ это время быть въ Москвѣ и дѣла меня тамъ задержали до конца сентября.

Каково-же было мое удивленіе, когда, заѣхавъ случайно вскорѣ послѣ пріѣзда къ Алексѣю Петровичу Гурчину, я узналъ отъ него, что молодые всо еще продолжаютъ жить на дачѣ, пользуясь неожиданно наступившимъ послѣ нѣсколькихъ дождливыхъ дней бабьимъ лѣтомъ.

— Они очень благодарны вамъ за присланную изъ Москвы въ день ихъ свадьбы телеграмму, — передавалъ мнѣ Алексѣй Петровичъ,—и вы хорошо сдѣлали-бы, если-бы порадовали ихъ своимъ посѣщеніемъ.

— Они живутъ тамъ-же, по Старо-Парголовской дорогѣ?

— Да. Только теперь они тамъ одни, такъ какъ старики фонъ Кенеры давно уже перебрались въ городъ.

Я обѣщалъ непремѣнно на-дняхъ навѣстить молодыхъ и, дѣйствительно, дня черезъ три-четыре подходилъ къ ихъ дачѣ.

Дача стояла въ глубинѣ сада, и надо было пройти сотни двѣ шаговъ по устланной опавшими листьями аллеѣ, прежде нежели достигнуть стеклянной террасы.

Изъ боковой дорожки навстрѣчу мнѣ вышла Елена Карловна, грустная, задумчивая...

Она была дивно хороша въ скромномъ сѣромъ суконномъ платьѣ, безъ всякой отдѣлки. Ея роскошные бѣлокурые волосы были заплетены въ одну косу, спускавшуюся ниже пояса; въ общемъ она напоминала не то Гретхенъ, не то Офелію. Замѣтивъ меня, она постаралась придать своему лицу веселое выраженіе и, улыбаясь, пошла ко мнѣ навстрѣчу, говоря:

— Здравствуйте, давно-ли вы опять вернулись въ наши края?

Я отвѣчалъ, что всего только нѣсколько дней.

— Жаль!

— Почему-же?

— Если-бы вы пріѣхали недѣли двѣ тому назадъ, то я имѣла-бы поводъ пожурить васъ за это, а теперь нѣтъ!

— Вамъ, значитъ, хочется съ кѣмъ-нибудь ссориться?..

— Не съ кѣмъ-нибудь, а со всѣми... Притомъ исключительно съ одними только мужчинами.

— Чѣмъ-же они, бѣдные, предъ вами провинились?

— Это ужъ—мое дѣло!

— Но вашъ мужъ, конечно, составляетъ при этомъ пріятное исключеніе?

— Напротивъ, онъ-то и есть главный виновникъ моей настоящей непріязни къ мужчинамъ.

— Это странно! Давно-ли была ваша свадьба!

— Какъ для кого! Мнѣ кажется, что я въ это время пережила цѣлую жизнь.

— Неужели?

— Представьте себѣ. Вѣдь, вы помните, когда онъ за мной ухаживалъ... мы тогда еще съ вами въ первый разъ видѣлись и познакомились... вѣдь, могъ-же онъ въ то время ежедневно кататься со мною на велосипедѣ?

— Очевидно, могъ, если катался.

— Ну, а потомъ, когда сдѣлался моимъ женихомъ... помните тотъ пикникъ противъ этой дачи... вѣдь, и тогда онъ ежедневно совершалъ со мною прогулки на велосипедѣ.

— Какъ женихъ, онъ былъ обязанъ сопровождать васъ всюду...

— Теперь-же... — грустно проговорила Елена Карловна, опустивъ свою золотистую головку.

— Что теперь?

— Теперь онъ почти никогда не доставляетъ мнѣ этого удовольствія!

— Вѣроятно, онъ занятъ службой.

— Какая у нихъ служба! Прокуроръ, слѣдователь, судья, тѣ, конечно, — люди занятые, но, вѣдь, онъ только причисленъ... Что ему больше дѣлать, какъ не кататься на велосипедѣ!

Я невольно улыбнулся при такомъ наивномъ опредѣленіи обязанностей причисленныхъ къ министерству чиновниковъ.

— Вотъ вы смѣетесь,—продолжала она, — а мнѣ, право, не до смѣха! Впрочемъ, что это я какая! Надоѣдаю вамъ своими жалобами, а главное-то и забыла: вы завтракали?—и, не дожидаясь моего отвѣта, она добавила:—конечно, нѣтъ! У меня есть поговорка, что объ этомъ больныхъ только спрашиваютъ. Пойдемте въ комнаты.

Я пробовалъ было отказаться, но она такъ мило настаивала, такъ удивленно смотрѣли на меня ея голубые глаза, когда я старался привести какое-нибудь вѣское основаніе для своего отказа, что несмотря на свою солидность, я сдался и согласился позавтракать наединѣ съ молодой женщиной.

За завтракомъ она опять стала жаловаться на мужа, на его постоянныя отлучки въ Петербургъ и позднее возвращеніе домой,— однимъ словомъ, въ семьѣ Гурчиныхъ происходило то-же, что бываетъ и во многихъ другихъ семьяхъ, только не такъ скоро, не сейчасъ-же по прошествіи медоваго мѣсяца. Напрасно я старался утѣшить Елену Карловну, совѣтовалъ ей поскорѣе перебраться въ городъ, такъ какъ разъѣзды тоже отнимаютъ у Петра Алексѣевича довольно много времени, она меня почти не слушала и только задумчиво повторяла:

— Отчего-же прежде онъ находилъ возможность каждое утро кататься со мною на велосипедѣ, а теперь нѣтъ?

Слушая эти дѣтски-наивныя сѣтованія, я отлично сознавалъ, что велосипедъ тутъ ровно не причемъ, но что она совсѣмъ другого ожидала отъ жизни, вступая въ бракъ, и вотъ теперь, не умѣя инымъ способомъ высказать свою неудовлетворенность, сваливаетъ все на нежеланіе мужа продолжать ежедневно кататься съ ней на велосипедѣ.

При прощаньѣ Елена Карловна просила меня не забывать ея въ ея одиночествѣ и такъ умоляюще смотрѣла на меня, что я совершенно неожиданно для самого себя обѣщался быть у Гурчиныхъ на той-же недѣлѣ.

Вернувшись въ городъ и побывавъ еще въ нѣсколькихъ мѣстахъ по своимъ личнымъ дѣламъ, я зашелъ пообѣдать въ одинъ изъ ресторановъ, которыми кишитъ Садовая улица при пересѣченіи ея Невскимъ проспектомъ.

Каково-же было мое удивленіе, когда первый знакомый человѣкъ, котораго я тамъ встрѣтилъ, оказался Петромъ Алексѣевичемъ Гурчинымъ, весело бесѣдовавшимъ за кофе съ цѣлою компаніей какихъ-то незнакомыхъ мнѣ молодыхъ людей, по всѣмъ вѣроятіямъ, своихъ сослуживцевъ.

Столъ былъ уставленъ бутылками съ ликерами, и надо было полагать, что, несмотря на поздній часъ, у нихъ это все еще продолжается завтракъ.

Гурчинъ мнѣ очень обрадовался, да и нельзя ему было не обрадоваться: всѣ они были въ такомъ радужномъ настроеніи, что готовы были расцѣловаться даже съ прислуживающимъ имъ человѣкомъ.

— Михаилъ Ѳедоровичъ, какими судьбами?

— Зашелъ вотъ сюда пообѣдать. Я, вѣдь, сегодня у васъ былъ.

— Жену видѣли?

— Какъ-же, она меня завтракомъ угощала.

— Она у меня хозяйка просто прелесть!

— Однако, вы предпочитаете сидѣть здѣсь, въ ресторанѣ.

— Нельзя, батюшка, дѣла!—и онъ сдѣлалъ жестъ рукою по направленію стола, но такъ неопредѣленно, что я имѣлъ полное право заключить, что всѣ эти дѣла заключаются на днѣ бутылокъ съ шартрезомъ, бенедектиномъ и ко-и-нуромъ.

— А молодая жена скучаетъ,—замѣтилъ я ему.

— Обойдется,—увѣренно махнулъ онъ рукою и затѣмъ предложилъ мнѣ присѣсть къ ихъ столу.

— Нѣтъ, благодарю васъ, я только пообѣдаю и дальше,— уклонился я отъ ихъ пріятнаго общества.

— Въ такомъ случаѣ обѣщайтесь непремѣнно на этой недѣлѣ обѣдать у насъ: я всегда обѣдаю дома.

— Сегодняшній день это подтверждаетъ.

— Во-первыхъ, мы не обѣдаемъ, а только кончаемъ за

втракъ, а во-вторыхъ, une fois n'est pas coutume *). Такъ будете?

— Я уже обѣщался Еленѣ Карловнѣ.

— Въ такомъ случаѣ, я васъ жду.

— До скораго свиданья.

— Смотрите-же, не забудьте.

Я пообѣдалъ и поѣхалъ изъ ресторана домой. Но Петръ Алексѣевичъ все еще оставался тамъ съ пріятелями, продолжая оканчивать завтракъ.

Дня черезъ три я собрался на обѣдъ къ Гурчинымъ и почему-то ужасно торопился, словно ко мнѣ вернулась молодость и меня плѣняли большіе голубые глаза Елевы Карловны, смотрѣвшіе на меня то изумленно, то вопросительно.

Къ моему крайнему удивленію, отворившая мнѣ дверь горничная заявила, что барыня поѣхали кататься на велосипедѣ.

— Одна?

— Никакъ нѣтъ-съ, съ Сергѣемъ Васильевичемъ?

— Съ какимъ Сергѣемъ Васильевичемъ?

— Офицеръ одинъ драгунскій, Канеминъ по фамиліи, они у насъ еще до барыниной свадьбы бывали.

— Въ такомъ случаѣ, кланяйтесь и передайте мою карточку.

— Да вы ихъ подождали-бы, онѣ скоро вернутся.

Тутъ только я вспохватился и вспомнилъ, что надо было спросить и о хозяинѣ дома:

— А Петръ Алексѣевичъ на службѣ?

— На службѣ-съ. Они никогда рано домой не возвращаются, такъ что мы постоянно имъ обѣдъ подогрѣваемъ.

— Кланяйтесь-же и Петру Алексѣевичу.

— Слушаю-съ. Да кстати вонъ и сама барыня съ Сергѣемъ Васильевичемъ пріѣхали.

Дѣйствительно, по дорожкѣ сада къ дому направлялась Елена Карловна, а слѣдомъ за нею шелъ совершенно незнакомый мнѣ драгунскій офицеръ.

Они уже слѣзли съ велосипедовъ, катили ихъ рядомъ съ собою и оживленно бесѣдовали.

Елена Карловна весело смѣялась,—очевидно, кавалеръ ея разсказывалъ ей что-то очень смѣшное. Словомъ, она была совсѣмъ не та, какою я ее видѣлъ нѣсколько дней тому назадъ—грустною, задумчивою, шедшей по усѣянной желтыми листьями дорожкѣ. Тогда выраженіе ея хорошенькаго личика такъ подходило къ картинѣ умирающей природы, а теперь я, если-бы былъ художникомъ, непремѣнно изобразилъ-бы ее всю залитую лучами весенняго солнца, среди цвѣтущихъ деревьевъ и ужъ, конечно, безъ этого глупаго велосипеда, къ которому я почему-то всегда питалъ какое-то отвращеніе.

Это была уже не Гретхенъ и не Офелія, а какая-то лѣсная фея, за которой, вмѣсто безобразнаго сатира, шелъ, побрякивая шпорами, молодой и стройный офицеръ.

Увидавъ меня, Елена Карловна какъ-будто сконфузилась, словно я ее поймалъ на мѣстѣ преступленія, но скоро оправилась и весьма любезно поздоровалась со мною, не забывъ представить мнѣ и своего спутника:

— Сергѣй Васильевичъ Канеминъ.

Я назвалъ себя и мы познакомились.

— Наконецъ-то, я нашла себѣ компаньона для моихъ прогулокъ,—защебетала Елена Карловна.—Я такъ благодарна Сергѣю Васильевичу, что онъ раздѣляетъ со мною скуку, несмотря на то, что не сегодня-завтра самъ женится.

— Ну... это еще положимъ...—самоувѣренно проговорилъ Канеминъ.

— Не смѣйте мнѣ противорѣчить: я уже сказала, что въ этомъ-же году непремѣнно сдѣлаю васъ женатымъ человѣкомъ.

— Какъ вы любите, однако, устраивать чужое благополучіе, когда сами...

Елена Карловна строго взглянула на него:

— Что «сама»?

— Когда сами только что вышли замужъ и потому не можете быть компетентной въ этомъ дѣлѣ,—поспѣшилъ понравиться Канеминъ.

— То-то-же!

Мы вошли въ комнаты и скоро сѣли за обѣдъ, такъ какъ Елена Карловна заявила, что не намѣрена ждать мужа, и затѣмъ, желая, конечно, выгородить его въ моемъ мнѣніи, прибавила, что Петръ Алексѣевичъ заранѣе просилъ ее, чтобы его не ждали.

Я сдѣлалъ видъ, что повѣрилъ, и, можетъ быть, благодаря этому, обѣдъ прошелъ очень весело. Канеминъ разсказывалъ очень много о своей жизни въ полку и весьма забавно передавалъ сцены изъ еврейской жизни, которыхъ онъ зналъ очень много, такъ какъ полкъ его стоялъ въ Западномъ краѣ.

Елена Карловна, слушая его, много смѣялась, и я самъ невольно принялъ участіе въ ихъ неподдѣльномъ весельѣ.

*) Т. е., однажды не значитъ обыкновенно.

Въ девятомъ часу вервулся изъ города Петръ Алексѣевичъ и для него пришлось разогрѣвать обѣдъ, но это, повидимому, вошло уже у Гурчиныхъ въ обыкновеніе.

Между прочимъ, онъ сообщилъ, что рѣшилъ черезъ три дня окончательно перебраться въ городъ, и затѣмъ, обращаясь къ Канеминy, добродушно замѣтилъ:

— Тогда я могу опять вступить въ свои права.

За эту плоскую шутку Елена Карловна посмотрѣла на него съ укоромъ, драгунъ-же, видимо, былъ шокированъ этой выходкой.

Скоро я сталъ собираться домой, ссылаясь на неотложную работу, которую я долженъ окончить къ завтрашнему дню. Меня удерживали, оставляли даже ночевать, но я остался непоколебимъ, несмотря на пару устремленныхъ на мевя голубыхъ глазъ, выражавшихъ нѣмую просьбу остаться.

Конечно, Елена Карловна хотѣла этимъ поддержать только просьбу мужа.

IV.

„Не печалься, что, скованъ зимою,
Говорливый ручей замолчалъ,
Зажурчитъ свои пѣсни весною
Онъ намъ снова, какъ прежде журчалъ“.

Зимою я изрѣдка бывалъ у Гурчиныхъ, и мнѣ казалось, что жизнь ихъ вошла въ свои обычныя рамки. По крайней мѣрѣ, Петръ Алексѣевичъ всегда весьма аккуратно являлся къ обѣду и даже вечера проводилъ большею частью дома или выѣзжалъ куда-нибудь вмѣстѣ съ женою.

Одно только меня удивляло это постоянное присутствіе въ ихъ домѣ поручика Канемина, поступившаго въ академію генеральнаго штаба.

Петръ Алексѣевичъ съ излишней самоувѣренностью относился къ этимъ частымъ посѣщеніямъ молодого офицера, Елена-же Карловна обращалась съ нимъ совершенно непринужденно, какъ съ товарищемъ.

Словомъ, все шло «по-хорошему», и только старику Гурчину не нравилось, какъ его сынъ устроилъ свою семейную жизнь.

Не знаю, раздѣляли-ли съ нимъ это мнѣніе супруги фонъ Кенеръ, такъ какъ мнѣ очень рѣдко приходилось съ ними встрѣчаться, хотя они и приглашали меня къ себѣ нѣсколько разъ.

Такимъ образомъ прошла зима и ничего новаго въ жизни Гурчиныхъ не произошло. Только къ веснѣ и Петръ Алексѣевичъ началъ косо посматривать на частыя посѣщенія Сергѣя Васильевича Канемина, который, кажется, не обращалъ на это никакого вниманія.

Еленѣ-же Карловнѣ было весело проводить время съ молодымъ, красивымъ и умнымъ офицеромъ, занимавшимъ ее во время снова начавшихъ часто повторяться отлучекъ Петра Алексѣевича.

По поводу этихъ отлучекъ Канеминъ, въ разговорѣ со мною, называлъ Гурчина «мартовскимъ котомъ», и мнѣ, дѣйствительно, пришлось встрѣтить Петра Алексѣевича выходящимъ изъ ресторана съ какой-то весьма сомнительной особой, очень фамильярно обращавшейся съ нимъ.

Елена Карловна, вѣроятно, звала что-нибудь о похожденіяхъ своего мужа, такъ какъ я заставалъ ее теперь всегда грустной, разстроенной, такой, какой я ее видѣлъ въ свой первый пріѣздъ къ нимъ на дачу, осенью прошедшаго года, и только въ присутствіи Канемина она оживлялась, глаза принимали прежнее дѣтски-наивное, то удивленное, то вопросительное выраженіе, а иногда въ нихъ свѣтился новый, неизвѣстный еще мнѣ огонекъ.

Во всякомъ случаѣ, если между ею и Сергѣемъ Васильевичемъ не было ничегосерьезнаго, то маленькій флиртъ все-таки между ними существовалъ.

Снова покинутая женщина и «другъ дома» начинали уже мечтать о дачѣ и о совмѣстныхъ прогулкахъ на велосипедѣ, не стѣсняясь даже присутствіемъ Петра Алексѣевича, находившаго иногда возможность обѣдать дома. Но теперь ему уже окончательно не нравилась близость молодыхъ людей и онъ нерѣдко отпускалъ по ихъ адресу разныя колкія шуточки.

Среди такихъ мелкихъ семейныхъ недоразумѣній наступило время подумать о переѣздѣ на дачу.

И вдругъ въ газетахъ я неожиданно прочелъ публикацію о продажѣ «за ненадобностью» двухъ велосипедовъ—дамскаго и мужского — съ указаніемъ точнаго адреса супруговъ Гурчиныхъ.

Это меня настолько заинтересовало, что я, улучивъ свободную минуту, поѣхалъ къ нимъ на квартиру.

День былъ праздничный, и Петръ Алексѣевичъ, противъ обыкновенія, былъ дома. Елена Карловна показалась мнѣ очень разстроенной и на глазахъ ея были видны слѣды слезъ.

Канемина еще не было; вѣроятно, его что-нибудь задержало въ академіи.

Оба супруга обрадовались мнѣ, какъ радуются всякому

ВЪ ТРОИЦЫНЪ ДЕНЬ У МОНАСТЫРЯ. Оригин. рис. И. В. Николаевскаго; гравир. для „Родины“ И. Юревичъ.

Сирень зацвѣла!..

Весь въ цвѣтахъ тѣнистый садъ,
Полонъ нѣги, лѣни
И струится ароматъ
Отъ кустовъ сирени.

***

Воздухъ весь имъ напоенъ,
Дремою объятый,
Погруженъ весь въ волны онъ,
Въ волны аромата.

***

Шаловливый вѣтерокъ
Шелеститъ листвою,—
Отъ сирени лепестокъ
Онъ унесъ съ собою.

***

Но остались здѣсь кусты...
Пали ночи тѣни,—
Всѣ въ росѣ теперь цвѣты
Бѣлые сирени!

Т. Славичъ.

СИРЕНЬ ЗАЦВѢЛА. Оригин. рис. **П. Никитина.**

чужому человѣку, явившемуся какъ разъ во-время, чтобы прекратить начинающій принимать острый оборотъ непріятный разговоръ.

— Жаль, что вы немного запоздали: мы только что кончили завтракать, — любезно обратился ко мнѣ хозяинъ дома.

Елена Карловна подала мнѣ руку и такъ грустно улыбнулась, что я даже испугался, что она снова заплачетъ.

Къ счастью, мои опасенія оказались напрасными и Елена Карловна, вмѣсто того, чтобы расплакаться, любезно предложила мнѣ чашку кофе.

Я поблагодарилъ.

— Въ такомъ случаѣ, пойдемте въ столовую, тамъ, вѣроятно, еще не успѣли убрать различныя сливки отъ бѣшеной коровы, — съ напускною веселостью проговорилъ Петръ Алексѣевичъ.

Мы вошли въ столовую и усѣлись за кофе. Гурчинъ съ мѣста приналегъ на зеленый шартрезъ, который очень любилъ. Я тоже налилъ себѣ рюмку ликера и сталъ пить его маленькими глотками.

— Я прочелъ въ газетахъ, что вы «за ненадобностью» продаете оба ваши велосипеда; развѣ Елена Карловна не думаетъ въ этомъ году предаваться своему любимому спорту?

Та вопросительно взглянула на мужа.

— Видите-ли, — началъ Петръ Алексѣевичъ, — я все это лѣто буду очень занятъ и мнѣ врядъ-ли удастся сопровождать Лену въ ея прогулкахъ, одна-же она ѣздить не любитъ.

— А Сергѣй Васильевичъ?—заикнулся было я и сейчасъ-же раскаялся: лицо Петра Алексѣевича приняло недовольное выраженіе.

— Я вовсе не расположенъ предоставлять свой велосипедъ въ чужое пользованіе, — сухо замѣтилъ онъ и, выпивъ залпомъ еще одну рюмку шартреза, добавилъ, стараясь придать своему замѣчанію шутливый оттѣнокъ: — по-моему, какъ велосипедъ, такъ и жена должны принадлежать только мнѣ одному исключительно и безраздѣльно!

Елена Карловна укоризненно взглянула на мужа и, встав изъ-за стола, пошла къ себѣ въ будуаръ.

— Охъ, ужъ эти мнѣ нервы! — замѣтилъ Петръ Алексѣевичъ и потянулся къ бутылкѣ.

Я сталъ прощаться.

— Подождите, я сейчасъ позову Лену, — сказалъ онъ и тоже вышелъ изъ столовой.

Черезъ нѣсколько минутъ въ дверяхъ показалась Елена Карловна, и, видимо, ей стоило большого труда удержаться отъ слезъ, которыя еще блестѣли на ея длинныхъ рѣсницахъ.

На лѣстницѣ я встрѣтился съ подымавшимся къ Гурчинымъ Канеминымъ.

Мы поздоровались.

— Ну, что новенькаго? — обратился онъ ко мнѣ.

— Вы знаете старую истину, что ничего нѣтъ новаго подъ луною.

— А слыхали, что Петръ Алексѣевичъ продаетъ свои велосипеды? — спросилъ меня Канеминъ и, не дожидаясь отвѣта, съ самодовольною улыбкою добавилъ:—мартовскій котъ начинаетъ обращаться въ Отелло! Точно нельзя купить два новыхъ велосипеда или даже тѣ-же самые черезъ какое-нибудь подставное лицо!

Мы распрощались: онъ пошелъ наверхъ, а я вышелъ на улицу.

Былъ чудный весенній день. По оживленнымъ улицамъ сновали толпы народа, — кто торопился по дѣлу, кто просто хотѣлъ воспользоваться теплой погодой, такъ какъ ладожскій ледъ еще не прошелъ, а во время ледохода всегда холодные, вѣтряные дни и столичные обыватели опять принуждены кутаться въ свои зимнія шубы, если только онѣ у нихъ не заложены.

«Нѣтъ, я положительно противъ велосипедовъ, — разсуждалъ я, направляясь къ Невскому проспекту: — эти велосипеды и на самомъ дѣлѣ могутъ разстроить семейное счастье, если кто его такъ ревниво не оберегаетъ, какъ Петръ Алексѣевичъ, и не торопится отъ нихъ избавиться съ первыми лучами вешняго солнца»..

КОНЕЦЪ.

Мольба.

Такъ взгляни на меня, чтобы страсти огнемъ
Закипѣло мое ретивое,
Чтобы могъ отыскать я во взорѣ твоемъ
Не упрекъ, а участье живое!
Такъ взгляни на меня, чтобы бурной волной
Въ мою душу желанія пали
И въ груди одинокой, усталой, больной,
Струны жизни сильнѣй зазвучали!
Такъ взгляни на меня, чтобъ съ желаніемъ жить
Съ новой силой во мнѣ пробудилось
И желаніе вѣрить, страдать и любить..
Я хочу, чтобъ оно воротилось!

Н. И. Чирковъ.

Первый выстрѣлъ.

Разсказъ Ив. Дулепинскаго.

ГЛАДЬ океана была спокойна. Сотни островковъ съ роскошной растительностью виднѣлись тутъ и тамъ, разбросанные на безбрежномъ пространствѣ. Среди зелени острововъ виднѣлись бѣлыя постройки, но людей не было видно. Могучій, свободный океанъ, сливаясь на горизонтѣ съ прозрачнымъ бирюзовымъ небомъ, казалось, отдыхалъ, лѣнясь шелохнуть своими зеленоватыми водами, на всемъ видимомъ пространствѣ которыхъ не было ни одного суденышка; все замерло, все застыло подъ раскаленными, отвѣсными лучами солнца.

Но вотъ вдали, на бирюзовомъ сводѣ неба чуть замѣтно протянулась бѣлесоватая полоса дыма. За ней другая, третья и на горизонтѣ вырисовывались точки. Ближе и ближе подвигались эти точки къ зеленымъ островамъ, съ которыхъ, наконецъ, уже можно было ясно разсмотрѣть, что это двигалась эскадра военныхъ судовъ. Впереди гордо и грозно двигались броненосцы, блестя начищенными мѣдными приборами; быстрые крейсеры, то подходя къ броненосцамъ, то удаляясь отъ нихъ, какъ развѣдчики, лавировали среди эскадры; небольшія миноноски, вытянувшись въ рядъ, стройно шли за своими броненосными товарищами.

Морская гладь всколыхнулась. Забѣгали волны; но тихія, спокойныя, безъ бѣлыхъ гребней, онѣ жались къ берегу, съ тихимъ рокотомъ ласкаясь къ тропической зелени.

На мачтѣ передняго броненосца гордо развѣвался флагъ съ Андреевскимъ крестомъ. Въ капитанской рубкѣ, расположенной впереди трубъ, сквозь стекло пристально всматривался въ даль океана флотоводецъ этой эскадры, приземистый, съ небольшой сѣдоватой бородкой адмиралъ. Сзади него, у аппаратовъ для передачи сигналовъ, стоялъ капитанъ и нѣсколько офицеровъ. Всѣ они ждали отъ своего адмирала приказаній, готовые въ одинъ моментъ исполнить его волю, а онъ, не выпуская бинокля изъ рукъ, все смотрѣлъ и смотрѣлъ въ разстилавшуюся предъ нимъ даль.

Но вотъ брови адмирала вздрогнули и глаза еще больше прильнули къ биноклю.

— Лейтенантъ Крыжовъ,—послышался голосъ адмирала,— возьмите бинокль и взгляните, что это—миражъ, или мнѣ кажется, что за этими островами видны мачты и трубы кораблей?

Все это адмиралъ произнесъ, не оборачиваясь, зная, что лейтенантъ Крыжовъ уже исполняетъ его приказаніе.

Оно такъ и было. Крыжовъ вооружился биноклемъ и устремилъ свой взоръ туда, гдѣ адмиралъ разсмотрѣлъ суда. За Крыжовымъ вооружились биноклями и всѣ остальные, бывшіе въ рубкѣ.

— Ну что?—спросилъ адмиралъ.

— Такъ точно, ваше превосходительство!

— Суда?

— Да!

— Капитанъ, прикажите закрыть поддувала у топокъ.

— Есть!

Послышались электрическіе звонки въ машину, на одной изъ мачтъ замелькали сигнальные флажки, передавая всей эскадрѣ приказаніе начальника.

— Готово, ваше превосходительство.

— Отлично. Дайте приказаніе построиться въ боевой порядокъ. Пусть крейсеры и миноносцы выйдутъ впередъ.

Сигнальные флажки запестрѣли на мачтѣ флагманскаго корабля. Командиры другихъ судовъ, согласно приказаніямъ, повертывали свои корабли. Крейсеры, какъ чайки, разсыпались по сторонамъ, миноски чуть замѣтными пятнами быстро передвигались на водной поверхности.

— Крейсеры «Азія» и «Африка» послать на развѣдки!— послышался ровный голосъ адмирала.

— Есть, ваше превосходительство!

Черезъ минуту два красавца судна отдѣлились отъ эскадры, полнымъ ходомъ двинулись впередъ и скоро скрылись за грудой острововъ.

Томительно долгими показались всей эскадрѣ тѣ полчаса, пока «Азія» и «Африка» не вернулись обратно. Они какъ-то вынырнули изъ-за острововъ и мчались къ флагманскому судну.

«Что тамъ?»—спросили съ адмиральскаго броненосца.

«Иду съ докладомъ», — былъ отвѣтъ съ «Африки» и въ тотъ-жо моментъ съ него спустили катеръ, который быстро подошелъ къ борту броненосца. Молодой лейтенантъ поднялся по спущенному трапу и почти бѣгомъ вошелъ въ рубку адмирала, все еще продолжавшаго смотрѣть въ бинокль.

— Какія вѣсти, лейтенантъ?

— Миляхъ въ десяти, за островомъ, стоитъ непріятельскій флотъ.

— Сколько вымпеловъ?

— Четыре броненосца, пять бронепалубныхъ крейсеровъ и двѣнадцать судовъ другихъ типовъ.

— Прекрасно! Спасибо за развѣдку. Отправляйтесь на свой крейсеръ.

— Слушаю-съ!

Адмиралъ подошелъ къ столу, на которомъ были разложены карты, и сталъ разсматривать ихъ.

Бѣгло окинулъ онъ то пространство на картѣ, на которомъ въ данный моментъ находилась эскадра, и довольная улыбка скользнула по суровому лицу адмирала.

— Спасибо, господа, за службу. Мы половину дѣла сдѣлали: прошли проливы, не встрѣтивъ нигдѣ врага. Теперь онъ предъ нами. Богъ да поможетъ намъ. Поздравляю васъ съ предстоящимъ боомъ, господа, и вѣрю, что вы не посрамите Андреевскаго флага. Скомандуйте на молитву.

Снова замелькали флажки. Въ рубку капитана вошелъ священникъ въ эпитрахили съ крестомъ и евангеліемъ. Былъ совершенъ краткій молебенъ о здравіи и спасеніи и о дарованіи побѣды. Тихо прочтены молитвы, спокойно моряки приложились ко кресту. Суровыя брови адмирала расправились.

— Съ Богомъ, господа! Распорядитесь, чтобы люди заняли свои мѣста. Развернемъ эскадру и полнымъ ходомъ впередъ.

Матросы засуетились, творили крестное знаменіе и съ любовью смотрѣли на жерла пушекъ, которыя, можетъ быть, черезъ нѣсколько минутъ понесутъ во флотъ врага смерть и опустошеніе.

Полнымъ ходомъ двинулась эскадра впередъ и черезъ минуту огибала островъ, за которымъ, по донесенію лейтенанта съ «Африки», стоялъ непріятельскій флотъ.

И лейтенантъ не ошибся. Грозные вражескіе броненосцы, видимо, тоже замѣтили врага и, со своей стороны, приготовились къ бою.

Двѣ грозныя флотиліи сближались.

«Къ орудіямъ!» — сигнализировали съ адмиральскаго корабля, — «За честь и славу Россіи, — показали флажки, — или умереть, или побѣдить!»

А пространство между эскадрами все уменьшалось и уменьшалось.

— Пора! — тихо произнесъ адмиралъ, — пора, — ещо разъ повторилъ онъ и махнулъ рукой.

Этого только и ждалъ завѣдующій орудіями и нажалъ электрическую кнопку. Послышался звонокъ, и черезъ мгновеніе съ флагманскаго корабля грянулъ выстрѣлъ. Бѣловатое облачко окутало одинъ бокъ броненосца. Первое ядро полетѣло въ непріятельскій флотъ. Разбудилъ этотъ выстрѣлъ уснувшій океанъ, всколыхнулся тотъ своими зелеными водами и снова замеръ, ожидая дальнѣйшаго боя, который долженъ былъ разгорѣться на его зыбкой поверхности. За первымъ выстрѣломъ послышались другіе. Засвистѣли ядра и бомбы. Бой разгорался.

КОНЕЦЪ.

Усталость.

Ночь... Соловей... Въ цвѣту сирени...
Мерцаютъ звѣздные огни...
Но прежнихъ грезъ, былыхъ волненій
Не будятъ въ сердцѣ ужъ они.
Устало бьется ретивое;
Въ аллеѣ сада я брожу,
На даль, на небо голубое
Теперь я холодно гляжу.

Тоска, тоска... Кому молиться?
Гдѣ взять запасы новыхъ силъ?
Кого любить, предъ кѣмъ склониться,
Какъ я склонялся и любилъ?
Нѣтъ, изнемогъ я въ битвѣ жаркой,
Заказаны мнѣ всѣ пути...
Въ разбитомъ сердцѣ грезѣ яркой
И новымъ чувствамъ не цвѣсти!

Евг. Богославскій.

ВЕСЕННІЙ ЗАХВАТЪ.

Романъ Г. Т. Сѣверцева (Полилова).

(Продолженіе.)

ДѢЙСТВИТЕЛЬНО, еще издали дѣвушка замѣтила небольшую, сгорбленную фигуру стараго итальянца, онъ, по обыкновенію, вертѣлъ ручку своего піанино, были слышны звуки веселой пѣсенки.

Кончетта вполголоса начала вторить мелодіи.

— А, это — ты, — спокойно проговорилъ старикъ, — я еще не успѣлъ справиться о твоемъ князькѣ.

— Не нужно, отецъ, — весело смѣясь, отвѣтила дочь,—дѣло сдѣлано.

— Неужели?—изумился шарманщикъ,—молодецъ! — проговорилъ онъ, не переставая вертѣть ручку піанино.

— Онъ очень богатъ, единственный внукъ у старухи-бабушки... На этотъ разъ я не ошиблась, какъ тогда,—продолжала пояснять отцу дѣвушка.

— Въ такомъ случаѣ, пользуйся!—цинично согласился итальянецъ, и довольная улыбка искривила его губы.—А меня ты не забудешь?

— Ты отлично знаешь, какая я хорошая дочь и что интересы семьи мнѣ дороже всего на свѣтѣ; вырву, сколько возможно! Я не вернусь сегодня домой, завтра забѣгу сюда-же, поговоримъ,—и, обнявъ старика, Кончетта поцѣловала его плохо выбритую щеку и быстро отправилась обратно.

— Что-же Кончетта не поетъ, Джузеппе? — спрашивали нѣкоторые изъ завсегдатаевъ ресторана,— отчего она прибѣгала только на минуту?

— Она поступила на мѣсто къ одной богатой старухѣ,— объяснялъ шарманщикъ отсутствіе дочери, и о хорошенькой итальянкѣ больше никто не спрашивалъ.

XII.

Охваченный пожаромъ новаго, до сихъ поръ невѣдомаго ему чувства, Арсеній не замѣчалъ, какъ бѣжало время.

Сомнѣваться въ любви Кончетты къ нему онъ никакъ не могъ: иллюзію любовнаго чувства она воспроизводила мастерски.

Дивный сонъ очарованія, любовная нирвана, какъ фантастическая картина, длился безъ конца. Молодой человѣкъ весь отдался ему, онъ жилъ только для него, весь остальной міръ ни на мгновеніе не существовалъ для князя.

Его Арсеній замѣчалъ въ рѣдкія минуты пробужденія, точно сквозь матовую призму, не различая ни очертаній, ни образовъ и опять погружаясь въ дрему первой любви, этой весны жизни.

Князь былъ счастливъ и за это готовъ былъ отдать всю свою будущность.

Красавица Кончетта замѣняла теперь для него все: семью, отечество, такъ нѣжно любимую бабушку, науку, все, все. Онъ былъ во власти ея молодой любви, какъ нѣкогда Тангейзеръ во власти чаръ Венеры.

Любовнымъ безумствамъ ихъ въ эти знойные дни ихъ счастья не было конца.

— Я сегодня встрѣтила отца,—замѣтила однажды Кончетта, возвращаясь послѣ прогулки. — Онъ плакалъ, бѣдный старикъ! — со вздохомъ продолжала итальянка:—безъ меня его дѣла пошли худо, онъ зарабатываетъ очень мало...

Арсеній вопросительно взглянулъ на молодую дѣвушку.

— О, если-бы я могла ему помочь, какъ я была-бы счастлива!

— Дай ему денегъ,— перѣшительно проговорилъ князь.

— Это легко сказать, но возьметъ-ли онъ ихъ?

— Отчего-же?

— Мой отецъ слишкомъ гордъ для этого. Во всякомъ случаѣ, я попробую!.. Сколько ты мнѣ можешь дать для него?

— Странный вопросъ! Развѣ я могу тебѣ отвѣгить? Возьми, сколько надо!

Кончетта жадно взглянула на протянутый ей княземъ бумажникъ и, аккуратно вытащивъ изъ него тысячефранковый билетъ, прошептала:

— Я думаю, что пока и этого довольно.

Арсеній равнодушно положилъ бумажникъ въ карманъ,—деньги его не интересовали.

Жадная до нихъ дочь бѣднаго итальянскаго народа уже жалѣла, что взяла отъ возлюбленнаго такъ мало, но, скрѣпя сердце, поборола свой порывъ.

— Я сбѣгаю къ нему, попробую его уговорить взять твой подарокъ,—поспѣшно надѣвая шляпу, промолвила Кончетта,— а затѣмъ я сейчасъ-же вернусь, и мы поѣдемъ въ лѣсъ!

Итальянка отлично знала, изучивъ въ это время характеръ князя Гостомыжскаго, что ничто ему не было такъ пріятно, какъ прогулка съ нею въ Камбрскій лѣсъ.

Послѣдній напоминалъ Арсенію объ ихъ первомъ свиданіи, о первомъ поцѣлуѣ, и сантиментальное сердце юноши, какъ священныя реликвіи, хранило эти дорогія для него воспоминанія.

Старый Джузеппе оказался также недоволенъ мелкою суммою, которую вручила ему дочь.

— Чертъ возьми! Я расчитывалъ на болѣе крупную получку!.. Неужели ты не могла вытеребить со своего князька пять тысячъ?

Укоръ отца задѣлъ Кончетту за живое.

— Не только пять, десять вы получите! нельзя-же сразу, все придетъ въ свое время.

Прогулка въ лѣсъ оказалась для князя новымъ раемъ. Кончетта выказывала ему массу нѣжности и привязанности.

Стоялъ май, всѣ деревья уже одѣлись въ свой зеленый уборъ, веселый хоръ пернатыхъ оглашалъ лѣсъ. Днемъ здѣсь, кромѣ гуляющихъ подъ наблюденіемъ учителя учениковъ коммунальныхъ школъ, никого не было. Еще недавно робкій дебютантъ, соловей наладилъ свои трели и звонко нарушалъ ими однообразіе этого поэтическаго уголка.

— Лѣсъ — уже не тотъ, какимъ онъ былъ тогда когда мы съ тобою здѣсь были въ первый разъ! — не то съ сожалѣніемъ, не то шутливо замѣтилъ Арсеній своей спутницѣ: — онъ уже болѣе не такой юный, свѣжій, какъ раньше.

Молодая дѣвушка сдвинула свои густыя брови.

— Но и мы — теперь уже не тѣ, какіе были мѣсяцъ назадъ.

— Нѣтъ, мы — тѣ-же самые, — увѣренно произнесъ Гостомыжскій. —Развѣ ты меня меньше любишь, чѣмъ раньше? а я, а я-то? Пустое, я не согласенъ съ тобою.

Положивъ мечтательно свою голову на плечо дѣвушки и обнявъ ее за талію, Арсеній шелъ съ нею по длинной аллеѣ сикоморовъ къ озеру. Легкій паромъ, служащій для сообщенія съ небольшимъ островкомъ, мирно качался у пристани. Гостомыжскій вошелъ вмѣстѣ съ итальянкой на него и началъ тянуть за веревку. Скоро паромъ остановился у другого берега, около кафе, называющагося „Островомъ Робинзона“.

— Здѣсь мы одни, насъ никто здѣсь не потревожитъ,—волнуясь, прошепталъ Арсеній.

Онъ оказался правымъ, въ ресторанѣ не было ни души.

Тишина, царившая на островкѣ, была поразительная; полуденное солнце, своимъ зноемъ загнавшее все живое въ комнаты, привѣтливо озарило влюбленныхъ.

— Я чувствую, что съ каждымъ днемъ, даже часомъ, моя любовь къ тебѣ все растетъ, все прибываетъ, — нѣжно цѣлуя дѣвушку, шепталъ Арсеній, — я становлюсь какимъ-то рабомъ твоимъ; все, что ты мнѣ говоришь, равняется закону.

Молодая дѣвушка отлично сознавала силу своего очарованія и на немъ одномъ строила всѣ будущіе планы.

— Мнѣ всего дороже твоя любовь,—говорила она въ подобныхъ случаяхъ Арсенію, и отвѣтомъ на это признаніе слѣдовали безконечные поцѣлуи.

XIII.

На обратномъ пути въ отель, почти у выхода изъ лѣса, князя кто-то окликнулъ. Онъ изумленно обернулся и замѣтилъ сидящаго на скамейкѣ рабочаго, съ которымъ онъ встрѣчался во „Дворцѣ труда“.

— Что-же вы больше не приходите на наши собранія? — спросилъ слесарь, — вы даже обѣщали говорить на одномъ изъ нихъ.

— Простите, я, право, не имѣлъ свободнаго времени, — пытался извиниться князь.

— Очень жаль, — промолвилъ его случайный знакомый, искоса поглядывая на нарядно одѣтую спутницу князя, — у насъ много есть интереснаго для васъ. Многіе заводы стоятъ, рабочіе не хотятъ работать, если не прибавятъ заработной платы... Вотъ и я гуляю! — какъ-то иронически продолжалъ слесарь.

Князю стало неловко предъ этимъ человѣкомъ труда за свое ничегонедѣланіе, эта мысль невольнымъ укоромъ заставила его вспомнить о своихъ прежнихъ надеждахъ и предположеніяхъ.

Кончетта, недовольная этой встрѣчей, стояла въ сторонѣ, нетерпѣливо играя зонтикомъ.

— Ваша супруга, видимо, торопится,—добродушно продолжалъ рабочій, замѣчая нетерпѣніе спутницы князя.

При словѣ „супруга“ лицо Арсенія залилъ румянецъ, временно заглохшая стыдливость снова имъ овладѣла.

— Да, да, намъ нужно спѣшить, — неловко проговорилъ онъ, протягивая руку рабочему.

ВЕРНУВШІЙСЯ ГЕРОЙ. Оригин. рис. **И. Григорьева**; гравир. для „Родины“ **Б. Пуцъ.**

— Добрый день! Все-же приходите къ намъ на собраніе, мы теперь собираемся ежедневно. Въ особенности интересно будетъ завтра, пріѣдутъ делегаты изъ Вервье *) отъ суконщиковъ и изъ Шарльруа **) отъ стекольщиковъ.

Князь на минуту задумался.

— Благодарю васъ, я постараюсь быть, — быстро сказалъ онъ и, взявъ Кончетту подъ руку, пошелъ далѣе.

— Что тебѣ за охота была такъ долго разговаривать съ какимъ-то рабочимъ? — недовольно встрѣтила его дѣвушка.

Князь ничего ей не отвѣтилъ; любовная нирвана его была нарушена встрѣчею. Онъ твердо рѣшился идти завтра во „Дворецъ труда“.

— А что-же я буду дѣлать одна въ отелѣ? — надувъ губки, сказала хорошенькая итальянка, когда Арсеній сообщилъ ей о своемъ рѣшеніи.

— Я не долго пробуду тамъ, — поспѣшилъ отвѣтить ей князь, — черезъ часъ-другой непремѣнно вернусь... Немного поскучай безъ меня...

У Кончетты созрѣлъ планъ провести этотъ вечеръ у отца, но она все-же сдѣлала видъ обиженной предполагаемымъ отсутствіемъ князя.

— Но, вѣдь, это въ первый разъ, что я оставляю тебя одну... — пробовалъ успокоить ее князь.

— Въ первый, а затѣмъ наступитъ второй и т. д.

— Нѣтъ, я даю тебѣ въ этомъ слово...

Но Кончетта притворно надулась. Водворилось молчаніе.

Арсенію пришло въ голову сдѣлать подарокъ любимой имъ дѣвушкѣ. Не доѣзжая до отеля Манжель, они вышли изъ вагона электрической желѣзной дороги и спустились пѣшкомъ на бульваръ Анспахъ.

Войдя со своею спутницею въ одинъ изъ роскошныхъ ювелирныхъ магазиновъ, Арсеній предложилъ Кончеттѣ выбрать себѣ какую-нибудь вещь.

Глаза дѣвушки, до сихъ поръ не обладавшей драгоцѣнными бездѣлушками, загорѣлись, когда приказчикъ выложилъ предъ ней массу колецъ, браслетовъ, брошекъ. Вся дрожа отъ охватившаго ее волненія, Кончетта выбрала небольшую брошь, все еще не вѣря въ богатство своего возлюбленнаго.

— Какъ ты ко мнѣ добръ! — бросилась къ нему на шею дѣвушка, восхищенная подаркомъ, когда они вернулись въ отель.

Миръ между молодыми людьми былъ заключенъ, Кончетта не вспоминала больше о причинѣ ихъ ссоры.

На столѣ въ комнатѣ Арсенія лежало письмо; взглянувъ на надпись, онъ вздрогнулъ—письмо было отъ бабушки.

Болѣе двухъ недѣль не писалъ онъ старой Ухиной ни одной строчки, а получаемыя отъ нея письма пробѣгалъ невнимательно. Послѣднее письмо онъ быстро вскрылъ и прочелъ слѣдующее:

„Милый Арсеній! Что такое значитъ, что ты ничего мнѣ не пишешь? Здоровъ-ли ты, мой дорогой? Я сильно загрустила, не имѣя отъ тебя вѣсточки. Утѣшаю себя только тѣмъ, что, вѣроятно, ты очень занятъ и тебѣ некогда написать твоей старой бабушкѣ“.

Молодого человѣка уколола эта саркастическая фраза письма, онъ живо представилъ себѣ Анфису Матвѣевну пишущею ее и пасмѣшливую улыбку, появившуюся въ это время у нея на губахъ.

„Утѣшь, голубчикъ, старуху, оторвись на четверть часа отъ своего электричества“, — прочелъ князь далѣе.

И ему сталъ противенъ въ эту минуту его обманъ.

— „Электричество“... — машинально повторилъ онъ, и его мысль перенеслась на Кончетту, на эту дѣвушку, ради которой онъ бросилъ всѣ свои занятія и науки.

(Продолженіе будетъ.)

*) Городъ въ бельгійской провинціи Льежъ, пограничной съ Германіей, съ широко развитой суконной промышленностью.

**) Городъ въ бельгійской провинціи Геннегау, центръ стеклянной и литейной промышленности.

ОПИСАНІЕ РИСУНКОВЪ.

«Анютины глазки». (Къ рис. на стр. 705.) «Анютины глазки»! Да, эти маленькіе цвѣточки и видомъ, и названіемъ своимъ напоминаютъ что-то дѣйствительно живое и поэтическое. На самомъ дѣлѣ, развѣ не чудятся вамъ при взглядѣ на эти нѣжные бархатные лепестки съ темною сердцевиною темные глаза красавицы, ея бархатныя рѣсницы, то томно опускающіяся, то задорно вдругъ раскрывающіяся? А развѣ не умѣютъ «Анютины глазки», цвѣточки, плакать такъ-же, какъ умѣютъ плакать только глаза настоящей красавицы? Посмотрите на лепестки цвѣточка рано утромъ, когда на нихъ дрожатъ капли росы, или послѣ дождя, когда лепесточки покрыты каплями дождя. Развѣ не такіе-же слезы на глазахъ красавицы?

Въ началѣ лѣта предъ вечеромъ. (Къ рис. на стр. 711.) Цѣлый день яркое солнышко палило своими лучами землю. Все изнывало отъ жары въ чудномъ старинномъ паркѣ, и даже бѣлые стройные лебеди, плававшіе въ извилистыхъ прудкахъ, старались держаться поближе къ береговой травѣ, какъ-бы защищаясь отъ солнца. Сторожа парка не видать было совсѣмъ. Онъ забился куда-то въ чащу кустовъ и дѣлалъ видъ, что работаетъ, на самомъ дѣлѣ наслаждаясь прохладой тѣни. Но полдень минулъ. Солнышко начало склоняться къ горизонту. Жара спала. Откуда-то пахнулъ вѣтерокъ и какъ-бы оживилъ всѣхъ. Точно вздохнули вдругъ деревья въ паркѣ, лебеди отплыли отъ берега и граціозными движеніями стали бороздить воды парковыхъ прудковъ; вышелъ изъ своей засады и сторожъ и, облокотившись на перила перекинутаго черезъ проливчикъ прудовъ мостика, любуется и на красивыхъ лебедей, и на красоту Божьяго міра.

На лонѣ природы. (Къ рис. на стр. 713.) Женщина—вѣнецъ созданія! Къ этому можно только добавить, что каждой женщинѣ приведенная истина хорошо извѣстна. Извѣстна она и красавицѣ, изображенной на картинѣ Кеммерера. Любуясь прелестями природы, наслаждаясь ея дарами, красавица сознаетъ, что она—самое лучшее созданіе въ природѣ. И развѣ не права она, развѣ не счастливая мысль пришла и художнику, прибавившему на своей картинѣ къ красотамъ природы красоту женщины?

Въ Троицынъ день у монастыря. (Къ рис. на стр. 719.) Далеко по окрестностямъ гулко раздается призывный звонъ колоколовъ со старой монастырской колокольни. Сегодня праздникъ цвѣтовъ — Троицынъ день. Необыченъ видъ старыхъ монастырскихъ храмовъ. Строгіе лики святыхъ въ нихъ украшены вѣтками зелени, лепестками цвѣтовъ. Гирляндами зелени украшены и снаружи стѣны храмовъ. У монастырскихъ воротъ оживленіе. Колокола призываютъ къ праздничной церковной службѣ. Уже давно гудятъ они. Скоро начнется богослуженіе. И торопятся запоздалые богомольцы. Вотъ идутъ два монашествующіе клирика; вотъ и горожанка, пожелавшая помолиться въ монастырѣ. Издалека завидѣли ее дѣти-продавцы цвѣтовъ и предлагаютъ свой «товаръ», вполнѣ надѣясь, что барыня купитъ, такъ какъ въ Троицу за богослуженіемъ всѣ стоятъ съ цвѣтами.

Сирень зацвѣла. (Къ рис. на стр. 721.) Ещо наканунѣ вечеромъ, когда она предъ сномъ закрывала окно, цвѣты не цвѣли. Вѣтки сирени висѣли со свернутыми бутончиками. И сегодня она не замѣтила черезъ стекло окна распустившихся гроздьевъ, но едва распахнула окно, какъ сейчасъ-жо воскликнула: «сирень зацвѣла!». Въ раскрытое окно вмѣстѣ съ ароматомъ свѣжаго утра на красавицу пахнуло ароматомъ цвѣтовъ и невольно при этомъ вырвалось у нея радостное восклицаніе. Нашему художнику г. Никитину очень хорошо удалось изобразить это выраженіе внезапной радости на лицѣ красавицы.

Вернувшійся герой. (Къ рис. на стр. 729.) Какъ неожиданно былъ потребованъ Степанъ Ерофѣевъ на войну, такъ-же неожиданно и скоро онъ вернулся и съ войны. Разница была только въ томъ, что уѣхалъ Ерофѣевъ здоровымъ, а вернулся безъ руки. Рука-то, впрочемъ, осталась, но японская пуля такъ прострѣлила ее, что Ерофѣевъ не будетъ владѣть ею даже и потомъ, когда совсѣмъ заживетъ рана! Потому-то и отпустили его домой, въ деревню. Радъ былъ сначала Ерофѣевъ, когда ему объявили, что онъ можетъ возвращаться въ деревню, но потомъ сталъ думать: «ну, куда я безъ руки-то тамъ годенъ?». Какъ-бы то ни было, ему пришлось отправляться въ деревню и онъ, въ концѣ концовъ, прибылъ туда. И правда, онъ уже не былъ годенъ здѣсь къ дѣлу, но, несмотря на это, ему въ деревнѣ почетъ—всѣ величаютъ героемъ и послушать его разсказы о войнѣ всегда собирается почти вся деревня.

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ А. А.Каспари. РЕДАКТОРЪ Ник. А. Каспари.

СОДЕРЖАНІЕ № 23-го иллюстрированнаго журнала „РОДИНА“. **Любъ-трава.** Истор.-быт. ром. графа Е. А. Саліаса. (Прод.) — **Въ Троицу.** Стих. Н. Кононова. — **Воспоминанія.** Стих. М. Циммерманъ. — **Два велосипеда.** Разск. М. Ѳ. Караулова. — **Мольба.** Стих. Н. И. Чпркова. — **Первый выстрѣлъ.** Разск. Ив. Дуленинскаго. — **Усталость.** Стих. Евг. Богославскаго. — **Весенній захватъ.** Ром. Г. Т. Сѣверцева (Полилова). (Прод.) — **Описаніе рукавовъ.** — **РИСУНКИ:** „Анютины глазки“. Ориг. рис. Е. Степанова. — Въ началѣ лѣта предъ вечеромъ. Съ карт. А. Четвиндъ. — На ловѣ природы. Съ карт. Ф. Кеммереръ. — Въ Троицынъ день у монастыря. Ориг. рис. Н. Николаевскаго. — Сирень зацвѣла. Ориг. рис. П. Никитина. — Вернувшійся герой. Ориг. рис. Н. Григорьева.

РАЗВЛЕЧЕНІЕ въ часы отдыха. Ловцы. Разск. Пв. Епифанова. — На лугу. (1 рис.) — Пикникъ въ Троицынъ день. (5 рис.) — Новый способъ передвиженія. (1 рис.) — Мозаика. — Гаданье въ Семикъ. Стих. Фаланги. — Логогрифъ № 18. — Магическая фигура № 9. — Логогрифъ № 39. — Географическая задача № 18. — Перестановка слоговъ № 5. — Рѣшеніе задачъ, помѣщенныхъ въ отдѣлѣ „Развлеченіе въ часы отдыха“ къ журн. № 21.

ВСЕМІРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. Къ морскому бою у Цусимы. (Съ 4 портр. и 1 группой.) — Аттака миноносцевъ. (Съ 1 рис.) — Въ сухопутной арміи. (Съ 8 рис.) — Къ свадебнымъ торжествамъ въ Германіи. (Съ 2 портр.) — Путешествіе испанскаго короля Альфонса XIII. (Съ портр.)

ЭТОТЪ НОМЕРЪ СОСТОИТЪ:

изъ 32 столбцовъ журнала, 12 столбцовъ „Развлеченіе въ часы отдыха“, 12 столбцовъ „Всемірное Обозрѣніе“ и 24 столбцовъ газеты.

ПРИЛОЖЕНІЯ: I) Моды, № 6. II) Листъ съ выкроечными рисунками, № 6. III) Листъ съ рисунками для любительскихъ работъ, № 6. IV) Узоръ въ краскахъ, № 6. V) „Собраніе романовъ „Родины“ 1905 г., № 11. Собраніе сочиненій Осипа Шубина, кн. 6-ая, содержащая въ себѣ романы:

„БОРИСЪ ЛЕНСКІЙ“.

(Окончаніе. Стран. 305—348.)

„О, если-бы уже была зима“.

(Стран. 1—80.)

Дополненіе обыденной суточной пищи малыми количествами

ГЕМАТОГЕНА Д-РА ГОММЕЛЯ

вызываетъ у дѣтей всѣхъ возрастовъ и у взрослыхъ быстрое улучшеніе аппетита; быстрое поднятіе силъ; укрѣпленіе нервной системы.

◆ Имѣется во всѣхъ аптекахъ и торговляхъ аптекарскими товарами. ◆

Главное дано для Россіи: В. Охтевская Аптека, Отд. „Гематогенъ“ СПБ.

ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОДДѢЛОКЪ! Требуйте изготовленіе гематогенъ „Д-ра ГОММЕЛЯ“. Тысячи врачей всѣхъ странъ дали блестящіе отзывы.

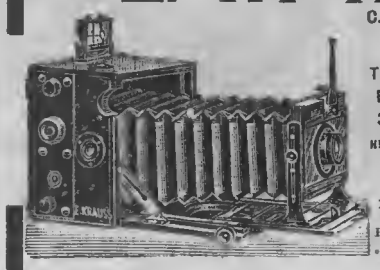
Е. КРАУСЪ

С.-Петербургъ, улица Гоголя, № 5. Телефонъ 6139.

Фотографическіе аппараты.

Тапиры Краусъ и другіе. Миноскопы Бинокли. Зрительныя трубы.

Общ. прейсъ-курантъ безплатно.



Вниманію гг. подписчиковъ „РОДИНЫ“.

Цѣна отдѣльныхъ номеровъ журнала „РОДИНА“, кромѣ 1-го: безъ приложеній—15 коп. безъ перес. и 25 коп. съ пересылкой.

Важно для дамъ и мужчинъ.

Попробуйте и убѣдитесь

КРЕМЪ „ОТЕРО“

произвожу С. Кримкеръ.

Послѣ долголѣтнихъ опытовъ мнѣ удалось составить совершенно безвредное и вѣрное средство противъ загара, прыщей, веснушекъ, сухихъ и мокрыхъ лишаевъ, шелушекія кожи и прочихъ нечистотъ лица, рукъ и шеи. Большинство кремовъ и помадъ для лица, рукъ и шеи содержатъ цинкъ, бѣлила и пр. вредныя вещества, отъ каковыхъ кожа лица послѣ употребленія дѣлается желтой и вяло-старческой. Настоящій же кремъ „Отеро“ дѣлаетъ лицо нѣжнымъ, бѣлымъ и придаетъ ему натурально-юношескую свѣжесть и нѣжность безъ всякихъ вредныхъ послѣдствій, чѣмъ превосходитъ своимъ качествомъ всѣ доныхъ поръ изобрѣтенныя средства. Банка 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 75 к., 2 банки съ перес. 3 р. Главный складъ для Россіи: С.-Петербургъ, С. Кримперъ, Ковенскій 30.

ПОСЛѢДНЯЯ НОВОСТЬ!! Туалетные часы съ самосвѣтящкмся цферблатомъ, съ зеркаломъ и музыкой.

Вы доставите много удовольствія себѣ, семейству и гостямъ, пріобрѣтя самоиграющіе туалетные часы съ хор. музыкой „Симфонія“, играющей очень громко и долго разныя красивыя и веселыя пьесы, вальсы, марши, польки, оперы, народныя пѣсни, какъ-то: „Боже, Царя храни“, „Преображенскій маршъ“, вальсъ „Ожиданіе“, „Невозратное время“, „За Дунай“, „Коль славенъ“, „Камаринскую“, „Трепакъ“, „Возлѣ рѣчки“ и т. д., со шлифованнымъ зеркаломъ парижской выдѣлки, въ изящномъ полированномъ заграничн. корпусѣ. Часы эти, кромѣ того, отличаются своимъ вѣрнѣйшимъ ходомъ и служатъ изящнымъ украшеніемъ для письменнаго и туалетнаго стола. Высылаемъ часы вырегулированные до мнуты, съ ручательствомъ за вѣрность хода и за непортящуюся музыку на 6 лѣтъ, наложен. плат. безъ задатка. Цѣна, вмѣсто 20 руб., только 6 руб. 30 коп. и 7 руб. Такіе-же часы съ вѣчнымъ календаремъ, показыв. день, мѣсяцъ и число, цѣна 8 р. 90 коп. и 9 р. 75 к. 312

Туалетное зеркало съ музыкою и будильникомъ—цѣна 8 р. 50 к. и 9 р.

Адресовать: **Торговый Домъ „Жозефинъ“, Варшава, Грибная ул.,—а.—х.**

P. S. Для распространенія нашихъ часовъ прилагаю безплатно 1 изящное кольцо съ французскими брил. или сапфиромъ, бирюзой, изумрудомъ, по выбору заказчика.

!НОВОСТЬ!КУКЛА!

смѣется, плачетъ, спитъ и говоритъ. Цѣна съ пересылкой: 2 р. 85 к., 3 р. 15 к., 3 р. 75 к., 4 р. 30 к. и самая большая—5 р. Въ Азіат. Россію съ прибавлен. части вѣсов. Наложен. платежемъ на 10 к. болѣе. Адресъ: **З. ЖУКУ, Варшава, Новолипки, 40.** 337

БИЛЬЦЪ

ПЕРВОКЛАССНЫЙ САНАТОРІЙ

Dresden—Radebeul.

Проспекты безплатно. Зарача, главный врачъ д-ръ медиц. Апке. Чудная мѣстность. Успѣшные результаты леченія.

Гальманинъ 30-лѣтній УСПѢХЪ.

Всѣмъ извѣстный порошокъ противъ прѣнія тѣла, особенно ножныхъ пальцевъ.

Остерегайтесь поддѣлокъ и другихъ препаратовъ подъ разными названіями, не достигающихъ своей цѣли. 477

Настоящій Гальманинъ обвернутъ въ англійскую коричневую бумагу съ водяными знаками „Гальманинъ Карпинскаго“ — „Mon meilleur camarade“ и получить его можно въ аптекахъ и аптекарскихъ магазин.

КОНЬЯКЪ ШУСТОВА

НЕСТЛЕ

дѣтская молочная мука

сгущенное • молоко НЕСТЛЕ!

ТРЕБУЙТЕ И УБѢЖДАЙТЕСЬ!! Только за 3 руб. 75 коп. 6 цѣнныхъ вещей.

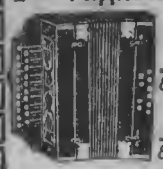
Кто желаетъ имѣть дѣйствительно прочные, вѣрные часы и недорого, тотъ пусть выпишетъ изъ нашего склада часы черные, вороп. стали, мужскіе, открытые, зинеръ (а не цилиндръ), съ вѣрнымъ и звучнымъ ходомъ, заводъ безъ ключа; 2) цѣпь шатленъ вниклев. изящной работы; 3) брелокъ такого-же металла; 4) портсигаръ никкелев. изящной работы; 5) карманный ножикъ заграничной работы; 6) предохранитель часовъ отъ порчи. Всѣ вти вещи высылаются, вмѣсто 8 р. 25 к., всего только за 3 руб. 75 коп. Пересылка за счетъ заказчика. Часы высылаются вывѣренные до минуты, съ ручательствомъ на 6 лѣтъ, но полученіи заказа налож. платеж. безъ задатка. Адресовать: Экспортному дому Т-во „Діана“, Варшава, 1097-а. 336

НЕ ВЫБРАСЫВАЙТЕ *того, что можно* **ПОЖЕРТВОВАТЬ**

состоящему подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны **ПОПЕЧИТЕЛЬСТВУ** Императорскаго Человѣколюбиваго Общества для сбора пожертвованій **на воспитаніе и устройство бѣдныхъ дѣтей** въ мастерство, которое собираетъ только то, **что другимъ не нужно** и что иногда **мѣшаетъ въ домѣ, квартирѣ, на дворѣ,** какъ, напр.: тряпки, битое стекло, рваную бумагу, лоскутки, опорки, пробки, желѣзо, коробки и пр., и пр., и пр. Желающіе отдать что-либо въ Попечительство сообщаютъ письменно: **Петербургъ, Садовая ул., № 60** (или по телеф. **№ 1360**), откуда посылается артельщикъ.

Все принимается съ глубокою благодарностью. 105

ГАРМОНІИ
ВѢНСКІЯ
СЪ МѢДНЫМИ ПЛАНКАМИ
УГЛЫ, МѢХА ОБИТЫ МЕТАЛЛОМЪ
2 хъ РЯДНЫЯ, 21 клапанъ.



ГОЛОСА НОВАГО СЕРЕБРА
11 р. 13 р. 15 р.
8 бас. 10 б. 12 б.
СТАЛЬНЫЕ ГОЛОСА
16 р. 20 р. 24 р.
8 б. 10 б. 12 б.
и дороже.
Самоучитель 1 р.

ЛИВЕНСКІЯ
МѢДНЫЕ ГОЛОСА ЖЕЛѢЗНЫЯ ПЛАНКИ
$2^1/_2$ р., 3 р., 4 р., 5 р.

ГОЛОСА НОВАГО СЕРЕБРА,
мѣдныя планки
$5^1/_2$, $6^1/_2$, $7^1/_2$, 8,9 р.
СТАЛЬНЫЕ ГОЛОСА
мѣдныя планки
$10^1/_2$, $11^1/_2$, $12^1/_2$, 14, 16 р.
Самоучитель 75 к.

РОЯЛЬНЫЯ
съ мѣдными планками
ОДНОРЯДНЫЯ
ГОЛОСА НОВАГО СЕРЕБРА
11 р. 12 р. $13^1/_2$ р. 15 р.

СТАЛЬНЫЯ ГОЛОСА
17 р. 20 р. 23 р. 28 р.
ДВУХРЯДНЫЯ
ГОЛОСА НОВАГО СЕРЕБРА
20 руб.
СТАЛЬНЫЯ ГОЛОСА 30 РУБ.
по полученіи задатка $^1/_3$ стоимости высылаю съ наложен. платежемъ.
И. А. НОВИКОВЪ,
МОСКВА, СРѢТЕНКА
СКЛАДЪ МУЗЫКАЛ. ИНСТРУМЕНТОВЪ
прейс-курантъ безплатно.

ЧИСТОЕ ЛИЦО
получается скоро послѣ употребленія новаго средства
Угрих
отъ
ПРЫЩЕЙ и УГРЕЙ

Продается вездѣ по 1 р. 90 к. за банку.
Перес. налож. плат. изъ оптов. склада Рич. Пето. СПБ. Караван. ул. 16 кв. 9.

Для гг. подписчиковъ журнала и газеты «РОДИНА», уплатившихъ при подпискѣ **только по ТРИ рубля,**

съ № 26-го ПРЕКРАЩАЕТСЯ ВЫСЫЛКА

журнала и газеты, ввиду чего контора проситъ **поспѣшить** высылкой доплатнаго взноса.

При доплатѣ необходимо **прилагать адресъ**, по которому получается журналъ, и указывать, что деньги посылаются въ доплату.

ЧАСЫ СЪ ВАРШАВСКОЙ ФАБРИКИ

С.-Петербургъ, Невскій, № 59, депо часовъ,
М. СОКОЛОВЪ. 316
бывш. много лѣтъ мастеромъ **I. Мозеръ и К°**, знаменитой фирмы часовъ канъ спеціалистъ, рекоменд. изъ своего склада по оптовой цѣнѣ слѣд. сорта лично имъ провѣренныхъ часовъ высш. качества, съ полн. ручательств. на 5 лѣтъ. Часы мужскіе черные—4 р. 80 к., лучш. сорта анкер.—7 р. 50 к. и 12 р. Часы мужск. анкар. на 15 камн., серебр. 84 пр., масонскія три крышки, заводъ ключ.—9 р. 85 к. и 12 р. 50 к., зав. головкой 12 р. и 15 р. Часы мужск. америк. золота „Дубле“, анкер., 15 кам., 8 р., 75 к. Часы дамск. черн. 7 р. 75 к., серебр. 84 пр. 9 р. 75 к. и 15 р.; крѣпко нызол. на 1 р. дороже. При всѣхъ часахъ безпл. изящн. цѣпь. Пересылка на счетъ фирмы, налож. платеж. безъ задатка. Требуйте безпл. иллюстр. каталогъ.

CONSTIPATION
PILULES DE
CASCARA
MIDY Luidy
ФРАНЦУЗСКОЕ НОПУЛЯРН. СРЕДСТВО отъ ОБЫЧН. ЗАПОРА
Доза: 2 пилюли вечеромъ, ложась спать.
Не производитъ болей въ желудкѣ, ни тошноты.

Золотая медаль 1893 г.

(Главный окладъ у Г. Ф. Юргенсъ. Москва.)

Д-ра Шиндлеръ-Барнай „Маріенбадонія Редукціонныя Пилюли“ противъ
ОЖИРѢНІЯ
и отличное слабительное средство.
Настоящая упаковка 60 пилюль
въ коробкахъ краснаго цвѣта,
съ описаніемъ способа употребленія на русск., франц. и нѣмецк. языкахъ Продажа во всѣхъ лучшихъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ. 607

КУМЫСЪ-ЭКСПОРТЪ
не портится. Высылается круглый годъ ящиками (100 бут.)—30 руб. и $^1/_2$ ящ. — 16 р., включая провозную плату по жел. дор. большой скоростью. Требованіе кумыса и безплатной брошюры „Кумысъ и его приготовленіе“ (иллюстрированная—1 р.) обращать: Смышляевка, Самарской губ., Б. Н. Постникову. 233

ТРЕБУЙТЕ ВЕЗДѢ „ОДОБРИНЪ“
только Михаила ЛЕБЕДЕВА 188
съ надписью (этикетъ утвержденъ правительствомъ).

Это средство уничтожаетъ совершенно въ нѣсколько дней застарѣлыя мозоли и бородавки съ корнемъ.

Иногородн. высылается съ пер., 2 кор. — 1 р. 20 к., 4 кор.—1 р. 90 к., 6 кор.—2 р. 60 к. Глав. скл.: С.-Пбургъ, Гороховая, 52. Мих. Лебедевъ.

ОСОБОЕ ДОПОЛНЕНІЕ изданій „РОДИНА“ ДВѢ КАРТИНЫ-ОЛЕОГРАФІИ

исполненныя въ 23 тона; каждая размѣромъ 9×20 дюйм., по оригиналамъ слѣдующихъ извѣстнѣйшихъ художниковъ

I.

„Въ морозный день на тройкѣ“.

Съ картины профессора Н. Е. Сверчкова

II

„Ялта съ моря“.

Съ картины профессора Л. Ф. ЛАГОРІО.

ОБѢ КАРТИНЫ отоятъ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО для гг. подписчиковъ „РОДИНЫ“ ТОЛЬКО ВОСЕМЬДЕСЯТЪ (80) КОПЕЕКЪ съ пересылкой.

За вышеуказанную дешевую цѣну каждый подписчикъ имѣетъ право получить эти ДВѢ КАРТИНЫ ВМѢСТѢ только **одинъ** разъ. Желающіе получить **добавочныя** картины приплачиваютъ за **КАЖДУЮ картину** по **одному** рублю. Для лицъ, не состоящихъ подписчиками „Родины“, КАЖДАЯ КАРТИНА стоитъ ТРИ руб.

Требованія адресуются въ главную контору редакціи изданій „РОДИНА“ (А. А. Каспари), С.-Петербургъ, Лиговская ул., соб. д., 114.
Гербовыя и почтовыя марки въ уплату НЕ принимаются. Наложеннымъ платежомъ картины **НЕ** высылаются.

Дозволено цензурою. Спб., 28-го мая 1905 г. Графическое заведеніе «Родины» А. А. Каспари). Лиговская ул., соб. д., № 114.

Сканировал reduktorer rutracker.org